

Яшин Владимир Борисович

Yashin Vladimir Borisovich

кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории, политологии и социологии
Омского государственного
педагогического университета

PhD in History, Associate Professor,
General History, Political
and Social Sciences Department,
Omsk State Pedagogical University

ФАКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОЙ КОНВЕРСИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ [1]

RELIGIOUS CONVERSION FACTORS IN THE PUBLIC OPINION OF OMSK REGION RESIDENTS [1]

Аннотация:

Статья посвящена выявлению специфики процессов религиозной конверсии среди населения Омской области. На основании результатов социологического исследования по данной тематике, проведенного в сентябре – ноябре 2018 г., делается вывод, что в общественном мнении жителей религиозная принадлежность не воспринимается в качестве аскриптивной характеристики. Доминирование в региональном сообществе установки на религиозный плюрализм, признание религии предметом личного выбора и приватной жизни каждого человека создают благоприятные социально-психологические предпосылки для религиозной конверсии. При этом ключевым ресурсом религиозного обращения являются социальные среды атеистов, приверженцев внеконфессиональной духовности, а также граждан, индифферентных по отношению к религии. Незначительная доля межконфессионального транзита свидетельствует о наличии в основных конфессиях региона устойчивого ядра своих последователей и тем самым – о стабильности конфессиональной структуры населения и религиозной ситуации в области в целом. В то же время зафиксированы неоднозначность и противоречивость отношения жителей региона к религии. С одной стороны, в настоящее время переход от веры к неверию носит скорее характер исключения, следовательно, в общественном мнении принадлежность к религии воспринимается как социальная норма. С другой стороны, для регионального сообщества в качестве решающих факторов формирования религиозных взглядов выступают секулярные структуры – семья, государство, общество, тогда как степень влияния конфессиональных институтов на приобщение к вере оценивается весьма невысоко. Отсутствие у региональных религиозных институтов безоговорочно референтного статуса облегчает возможность личного духовного поиска и, соответственно, религиозной конверсии как акта личного выбора.

Ключевые слова:

религия, социология религии, религиозная конверсия, религиозная принадлежность, Омская область.

Summary:

The research identifies the specific nature of religious conversion among Omsk region residents. Based on the results of a sociological study on this issue conducted in September-November 2018, the author concludes that people in the region do not perceive religious affiliation as an ascribed feature. The dominance of religious pluralism in the regional community, the recognition of religion as a personal choice and a part of everyone's private life create the favorable social and psychological conditions for religious conversion. At the same time, the key resource of religious conversion includes the social environment of atheists, followers of non-confessional spirituality, and citizens indifferent to religion. Since a few people are involved in interfaith shift, the author assumes that there is a stable core of followers in the main denominations of the region. Besides, this fact demonstrates the stable denominational structure of the population and the regional religious situation as a whole. Nevertheless, the ambiguous and disputable attitude of Omsk region's residents towards religion is determined. On the one hand, nowadays, apostasy is rather an exception; therefore, religious affiliation is regarded as a social norm in public opinion. On the other hand, for the regional community, such secular structures as the family, state, and society are the decisive factors in the development of religious views while denominational institutions have a weak impact on religious commitment. The lack of unconditional referential status of regional religious institutions facilitates personal spiritual quest and, accordingly, religious conversion as an act of personal choice.

Keywords:

religion, sociology of religion, religious conversion, religious affiliation, Omsk region.

В число базовых категорий предметного поля исследований религии входит религиозная конверсия (иначе – религиозное обращение [2]), под которой понимается «постепенное или внезапное изменение экзистенциальной ориентации человека, в результате которой он становится адептом какой-либо религии или религиозного учения. Религиозное обращение происходит или при переходе от неверия к вере, или при переходе в иную конфессию; частным случаем является реактуализация религиозности, привитой с детства» [3].

Начало изучения данной проблематики было положено У. Джеймсом, который посвятил ей две главы в классическом труде «Многообразии религиозного опыта» (1901–1902) [4, с. 151–203]. С особой интенсивностью феномен религиозной конверсии начали исследовать с рубежа 1960–

70-х гг., когда в странах Запада наблюдалось массовое распространение нетрадиционных религий и новых религиозных движений. Заметный вклад в развитие теории и методологии проблемы религиозной конверсии внесли Дж. Лофланд, Р. Старк, У. Бейнбридж, Л. Рамбо, Р. Травизано и др. [5]. О степени научной значимости и уровне разработанности рассматриваемой темы свидетельствует то обстоятельство, что в 1990-х гг. в США и Западной Европе социология конверсии выделилась в отдельную социологическую дисциплину [6].

Постсоветские отечественные публикации, основанные на полевых материалах, затрагивают преимущественно психологические (в том числе социально-психологические) аспекты рассматриваемой проблемы [7]. Соответственно, при сборе первичной информации используется главным образом биографический метод. Особое внимание исследователи уделяют конверсии в ту или иную конкретную религию [8], причем в этом отношении разные конфессии изучены крайне неравномерно.

Региональная специфика конверсионных процессов анализируется значительно реже [9]. Между тем, как справедливо подчеркивает М.Ю. Смирнов, социологический подход к религиозной конверсии «предполагает: 1) характеристику социальной ситуации (на макро- и микроуровнях), в которой обнаруживается это явление; 2) определение социальных факторов, влияющих на возникновение конверсии религиозной и степень ее успешности» [10, с. 128–129]. Следовательно, в контексте изучения религиозных процессов в современной России, которая объединяет многочисленные субъекты Федерации, существенно различающиеся по этническим, культурным, социально-экономическим и иным параметрам, не вызывает сомнений актуальность исследования отношения локальных сообществ к религиозному обращению и присутствующих в общественном мнении на уровне региона представлений о причинах, обуславливающих характер конверсионных процессов. Для получения соответствующей социологической информации приоритетны количественные методы.

С учетом сказанного обратимся к результатам социологического исследования, проведенного в сентябре – ноябре 2018 г. на территории Омской области при финансовой поддержке РФФИ и субъекта Российской Федерации в рамках научного проекта № 18-411-550010 «Выбор веры в эпоху социокультурных трансформаций: религиозная самоидентификация жителей современной Западной Сибири на примере Омской области». Организационное содействие в работе оказал Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований – 2 (ГЭПИЦентр-2, г. Омск).

В рамках проекта были опрошены 1 000 респондентов, репрезентирующих население Омской области в возрасте 14 лет и старше. В перечень территорий для полевого этапа вошли 20 муниципальных образований Омской области из 33 (областной центр и 19 муниципальных районов). В выборку не попали муниципальные образования с численностью постоянного населения менее 1 % от общего числа жителей региона 14 лет и старше. При опросе применяли комбинированную методику: интервьюирование в домохозяйствах (респондентов в возрасте 22 лет и старше) и анкетирование в образовательных учреждениях (респондентов 14–21 года).

Результаты исследования показали, что большинство респондентов (63,8 %) убеждены, что каждый человек должен сам решать, во что верить. Ровно столько же участников опроса признают право любой конфессии свободно распространять свое вероучение и привлекать в свои ряды неопитов. С учетом сказанного представляется закономерной достаточно большая доля (22,7 %) людей, которые на вопрос «Почему Вы исповедуете именно эту религию?» ответили «Я сам(а) принял(а) эту религию в результате личных духовных поисков». Такой вариант ответа чаще указывали женщины, чем мужчины, а также респонденты 40 лет и старше.

Тем, кто к своей нынешней вере пришел самостоятельно, дополнительно был задан вопрос «Что стало основной причиной Вашего выбора именно этой религии?» (допускалось несколько вариантов ответа). В лидирующую тройку мотивов религиозной конверсии вошли следующие: общение с верующими людьми (данную причину отметили 33,9 % из числа респондентов, принявших веру вследствие личных духовных исканий), внутреннее озарение, мистические переживания (30,0), а также чтение религиозной, духовной литературы (26,0 %). Кроме того, сравнительно часто в качестве причины самостоятельного принятия веры указывались обучение и воспитание в школе (12,3 %). Наименее значимыми оказались такие мотивы, как теле- и радиопередачи на религиозные темы (4,4 %) и общение с миссионерами (0,9 %).

Обращает на себя внимание существенное варьирование уровня важности причин самостоятельного принятия той или иной религии в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов. По сравнению с другими категориями участников опроса общением с верующими людьми религиозный выбор чаще всего объясняли женщины; респонденты в возрасте 14–21, 30–39, 50–59 лет; лица с высшим, неполным высшим, средним и начальным профессиональным образованием. Инсайт, личный религиозно-мистический опыт стали основной

причиной самостоятельного обращения в веру в первую очередь для мужчин; респондентов в возрасте 14–29 лет; лиц с уровнем образования общее среднее и ниже. Чтение религиозной, духовной литературы позволило самостоятельно прийти к своей вере преимущественно респондентам 30–39 лет; лицам со средним и начальным профессиональным образованием.

Зафиксировано, что три четверти от общего количества опрошенных представителей населения Омской области – 77,3 % – придерживаются своего мировоззрения (конфессионального или секулярного) с самого детства. Примерно каждый десятый – 8,7 % – принял нынешнюю религию либо стал атеистом в возрасте 30–49 лет. Немногим меньше оказалось тех, кто определился с убеждениями между 18 и 29 годами, – 7,3 %, еще 3,0 % сделали мировоззренческий выбор в подростковый период до 18 лет. Реже всего опрошенные жители региона указывали, что пришли к сегодняшним взглядам в возрасте 50–59 лет (0,9 %) или в 60 лет и старше (0,5 %).

Вернемся к тому, что респонденты, менявшие со временем мировоззрение, чаще всего переживали такую трансформацию в 30–49 лет. По сравнению с другими категориями опрошенных об этом заявляли главным образом представители возрастной когорты 50–59 лет, причем в 2 раза чаще, чем те, кому 30–49 лет исполнилось на момент опроса. Можно утверждать, что для жителей Омской области старшего поколения решающим мотивом религиозной конверсии стали не столько психологические проблемы кризиса среднего возраста, сколько факторы социального порядка: участники исследования 50–59 лет вступили в средний возраст в обстановке радикальных общественно-политических, социально-экономических, социокультурных реформ конца 1980–90-х гг., в условиях распада Советского Союза и крушения монополии коммунистической идеологии, основанной на принципах атеизма.

Из числа тех, кто с возрастом поменял убеждения, доминирующую долю – 41,0 % – составили бывшие атеисты. В 25,1 % случаях взгляды изменили те, кто раньше верил, но не принадлежал к конкретной конфессии, в 18,5 % – те, кому и религия, и атеизм прежде были одинаково безразличны. Доли респондентов, перешедших из одной конфессии в другую или сменивших религиозные воззрения на атеистические, оказались не более 4,0 % из числа тех, кто менял убеждения в течение жизни.

В ходе опроса общественного мнения респондентам было предложено отметить факторы, которые, по их мнению, в настоящее время оказывают наибольшее влияние на религиозные убеждения жителей России (допускалось несколько вариантов ответа). С большим отрывом первое место в этом рейтинге занял вариант ответа «семейное воспитание, семейные традиции» – его выбрали 83,4 % от общего числа опрошенных. Вторую группу составили такие факторы, как «государственная политика» (31,8 %), «образование и воспитание в школе» (29,3), «общественное мнение» (21,3 %). Довольно важным фактором являются средства массовой информации – их приоритет в формировании религиозных взглядов россиян признали 10,8 % участников опроса. Судя по полученным данным, прочие факторы не играют особой роли: мнение о решающем воздействии религиозной литературы разделили 6,6 % респондентов, интернет-ресурсов (сайтов) религиозных организаций – 4,2, священных текстов – 4,1, религиозных сообществ в социальных сетях – 3,3, деятельности миссионеров – только 1,4 %. Обозначим, что исследование не выявило зависимости представлений о степени значимости различных факторов на формирование религиозной идентичности граждан РФ от того, самостоятельно респондент пришел к своей вере либо вследствие других обстоятельств. Зафиксировано только, что участники опроса, которые приняли свою религию в ходе личных духовных исканий, несколько чаще, чем в среднем по выборочной совокупности, отмечали важность религиозной литературы и несколько реже – влияние СМИ.

В целом результаты исследования дают основания сделать вывод, что в общественном мнении жителей Омской области религиозная принадлежность не воспринимается в качестве аскриптивной характеристики. Доминирование в региональном сообществе установки на религиозный плюрализм, признание религии предметом личного выбора и приватной жизни каждого человека в отдельности создают благоприятные социально-психологические предпосылки для религиозной конверсии. При этом ключевым ресурсом религиозного обращения являются социальные среды атеистов, приверженцев внеконфессиональной духовности, а также граждан, индифферентных по отношению к религии. Незначительная доля межконфессионального транзита свидетельствует о наличии в основных конфессиях региона устойчивого ядра последователей и тем самым – о стабильности конфессиональной структуры населения и религиозной ситуации в Омской области в целом.

В то же время следует констатировать неоднозначность и противоречивость отношения жителей региона к религии. С одной стороны, согласно данным, полученным в ходе социологического опроса, в настоящее время переход от веры к неверию носит скорее характер исключения, следовательно, в общественном мнении принадлежность к религии воспринимается как социальная норма. С другой стороны, для регионального сообщества в качестве решающих факторов формирования религиозных взглядов выступают секулярные структуры – семья, государство, общество, тогда как степень влияния конфессиональных институтов на приобщение к вере

оценивается весьма невысоко. Отсутствие у региональных религиозных институтов безоговорочно референтного статуса облегчает возможность личного духовного поиска и соответственно возможность религиозной конверсии как акта личного выбора.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и субъекта Российской Федерации (Омская область) в рамках научного проекта № 18-411-550010 «Выбор веры в эпоху социокультурных трансформаций: религиозная самоидентификация жителей современной Западной Сибири на примере Омской области».
2. В отечественной специальной литературе для обозначения перехода индивида в ту или иную религию используются разные термины – «(религиозное) обращение», «(религиозная) конверсия», «(религиозная) конверсация», «(религиозная) конвертация». Отчасти исследователи оперируют ими как синонимами, однако, как отмечает А.А. Бурнашева, «в современной отечественной науке, возможно, наметилась новая тенденция – содержательно различать религиозную конверсию и религиозное обращение, т. е. религиозное обращение рассматривать как совокупность мотивов, действий и настроений (ментальных или психоэмоциональных), связанных с психологическим изменением личности в результате перехода из одной религии в другую, а религиозную конверсию ассоциировать с внешними факторами и условиями, обуславливающими смену религии, процессом социальной интеграции в религиозное сообщество, а также социальными последствиями» (Современные отечественные исследования религиозного обращения (терминологический аспект) // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2016. № 3. С. 117). Противопоставление указанных терминов представляется не вполне корректным в силу синкретизма социального и психологического в процессе «вхождения» в конфессию.
3. Религиозное обращение [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / под ред. В.С. Степина. М., 2000–2001. URL: <http://www.iph.ras.ru/enc.htm> (дата обращения: 01.02.2019).
4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта : пер. с англ. М., 1993. 431 с.
5. Bainbridge W. The Sociology of Religious Movements. N. Y. ; L., 1997. 475 p. ; Lofland J., Stark R. Becoming a World Saver: a Theory of Conversion to a Deviant Perspective // American Sociological Review. 1965. Vol. 30, no. 6. P. 862–875 ; Rambo L. Understanding Religious Conversion. New Haven, 1993. 240 p. ; Stark R., Bainbridge W. A Theory of Religion. New Jersey, 1996. 386 p. ; Travisano R. Alternation and Conversion as Qualitatively Different Transformations // Social Psychology through Symbolic Interaction. Waltham, 1970. P. 594–606.
6. Wohlrab-Sahr M. Konversion zum Islam in Deutschland und den USA. Frankfurt a. M., 1999.
7. Буланова И.С. Смысловое содержание религиозной конверсии // Религиоведение. 2013. № 4. С. 132–138 ; Чернов А.Ю., Буланова И.С. Эмпирические модели трансформации личности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 1. С. 59–66 ; и др.
8. Гусева Е.С., Буланова И.С., Набиев Д.Х. Религиозное обращение в нарративах мусульман: опыт эмпирического исследования // Вектор науки ТГУ. Сер.: Педагогика, психология. 2017. № 2. С. 86–89 ; Дорофеева Т.В. Мотивы конверсии в кришнаизм в условиях России // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 28–40 ; Исаева В.Б. Социальный механизм религиозной конверсии: на примере петербургской буддийской мирской общины Карма Кагью : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2014. 241 с. ; Любимова А.И. Теории религиозной конверсии и новые религиозные движения в России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10, вып. 1. С. 70–74 ; Моравицкий Я.Б. Католическая община Санкт-Петербурга: явление конверсии и трансформация властных отношений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 4. С. 102–119 ; Островская Е.А. Социально-антропологическое исследование буддийских мирских общин Санкт-Петербурга : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 1998. 20 с. ; Поплавский Р.О., Ключева В.П. «Как только я переродился...». Конверсия и рассказы о ней в пятидесятилетней традиции: структура и функции // Международный журнал исследователей культуры. 2013. № 1. С. 35–41 ; и др.
9. Астахова Л.С., Бухарев Я.С. Конверсионные интенции и современный ислам: попытки классификации «путей в духовную практику» (на основе мониторинга по Республике Татарстан) // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2017. Т. 13, № 2. С. 125–136 ; Рязанова С.В. Выбор православия в условиях мировоззренческого плюрализма (Пермский край) // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 76. С. 130–144.
10. Смирнов М.Ю. Социология религии : словарь. СПб., 2011. 412 с.

References:

- Astakhova, LS & Bukharev, YaS 2017, 'Conversion Intentions and Modern Islam: Attempts to Classify "Paths into Spiritual Practice" (Based on Monitoring in the Republic of Tatarstan)', *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyy i mezhdunarodno-politicheskiy aspekty*, vol. 13, no. 2, pp. 125-136, (in Russian).
- Bainbridge, W 1997, *The Sociology of Religious Movements*, New York, London, 475 p., (in Russian).
- Bulanova, IS 2013, 'The Semantic Content of Religious Conversion', *Religiovedeniye*, no. 4, pp. 132-138, (in Russian).
- Chernov, AYu & Bulanova, IS 2014, 'Empirical Models of Personality Transformation', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nyye tekhnologii*, no. 1, pp. 59-66, (in Russian).
- Dorofeeva, TV 2017, 'Motives for Conversion to Krishnaim in the Russian Context', *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*, no. 2, pp. 28-40, (in Russian).
- Guseva, ES, Bulanova, IS & Nabiev, DKh 2017, 'Religious Treatment in Muslims' Narratives: the Experience of Empirical Research', *Vektor nauki TGU. Ser.: Pedagogika, psikhologiya*, no. 2, pp. 86-89, (in Russian).
- Isaeva, VB 2014, *The Social Mechanism of Religious Conversion: on the Example of the Petersburg Buddhist Secular Community Karma Kagyu*, PhD thesis, St. Petersburg, 241 p., (in Russian).
- James, W 1993, *The Variety of Religious Experience*, Moscow, 431 p., (in Russian).
- Lofland, J & Stark, R 1965, 'Behavior of the World Saver: a Story of Conversion to a Deviant Perspective', *American Sociological Review*, vol. 30, no. 6, pp. 862-875.
- Lyubimova, AI 2009, 'Theories of Religious Conversion and New Religious Movements in Russia', *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, vol. 10, no. 1, pp. 70-74, (in Russian).
- Moravitsky, YaB 2005, 'The Catholic Community of St. Petersburg: the Phenomenon of Conversion and the Transformation of Power Relations', *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, no. 4, pp. 102-119, (in Russian).

- Ostrovskaya, EA 1998, *Socio-Anthropological Study of the Buddhist Worldly Communities of St. Petersburg*, PhD thesis abstract, St. Petersburg, 20 p., (in Russian).
- Poplavsky, RO & Klyueva, VP 2013, "As Soon as I Was Reborn...". Conversion and Stories about it in the Pentecostal Tradition: Structure and Functions', *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovateley kul'tury*, no. 1, pp. 35-41, (in Russian).
- Rambo, L 1993, *Understanding Religious Conversion*, New Haven, 240 p.
- 'Religious appeal' 2000-2001, in VS Stepin (ed.), *New Philosophical Encyclopedia*, in 4 vols, Moscow, viewed 1 February 2019, <<http://www.iph.ras.ru/enc.htm>>, (in Russian).
- Ryazanova, SV 2018, 'The Choice of Orthodoxy in Terms of Ideological Pluralism (Perm Region)', *Vestnik PSTGU. Ser. I: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye*, vol. 76, pp. 130-144, (in Russian).
- Smirnov, MYu 2011, *Sociology of Religion: dictionary*, St. Petersburg, 412 p., (in Russian).
- Stark, R & Bainbridge, W 1996, *A Theory of Religion*, New Jersey, 386 p.
- Travisano, R 1970, 'Alternation and Conversion as Qualitatively Different Transformations', *Social Psychology through Symbolic Interaction*, Waltham, pp. 594-606.
- Wohlrab-Sahr, M 1999, *Konversion zum Islam in Deutschland und den USA*, Frankfurt a. Mein, (in German).